

Обратный путь тоже не был лёгким: чем ближе подступала середина зимы, тем яростнее становились ветер и метель. К тому же они тянули за собой деревянные сани, и идти навстречу снегу становилось всё тяжелее. Если бы к ночи не удалось найти укрытие от ветра и место, где можно развести огонь, их ожидало бы по-настоящему мучительное испытание.

Прошлой ночью было особенно холодно: человек, долго находящийся под открытым небом, почти неминуемо коченеет. В какой-то момент Жун Фэн даже отказался от саней - он выкопал в снегу яму, закопал туда вещи, сделал пометку и, не теряя времени, повёл Бянь Хуна к более густому лесу.

Когда Бянь Хуну показалось, что ноги у него уже почти не слушаются от холода, мужчина обнаружил замаскированный сухой травой вход в укрытие. Он припал к земле, принюхался у входа и, не говоря ни слова, потянул Бянь Хуна внутрь.

У Бянь Хуна по коже пробежал холодок: инстинкты мгновенно забили тревогу. Окоченевшая правая рука тут же легла на рукоять изогнутого ножа, спрятанного у голени и взятого из каменного убежища, он напрягся и насторожился.

Вход был узким и резко уходил вниз. Жун Фэн спустился первым, скользнул вниз и, раскинув руки, поймал лёгкого, почти невесомого Бянь Хуна. Тот поспешно отвёл изогнутый нож в сторону, опасаясь случайно ранить Жун Фэна. Спустившись, они обнаружили, что внутри пространство чуть просторнее и полностью защищено от ветра и снега. В земле ещё сохранялось остаточное тепло осени - здесь было несравнимо теплее, чем снаружи.

Бянь Хун тут же вырвался из объятий Жун Фэна и потянулся к узлу за огнём, но мужчина остановил его. Он наклонился к нему и тихо прошептал на ухо:

— Лучше не зажигать огонь и не издавать ни звука.

Бянь Хун не понял, в чём дело, однако дыхание мужчины у самого уха заставило его вздрогнуть, и он невольно отступил на шаг назад. И именно этот шаг, словно он пнул ногой живую, плотную стену, так его испугал, что он мгновенно обернулся.

Дело было не в трусости: любой, кто хоть раз выбирался из заваленной землёй груды мёртвых тел, не сочтёт приятным ощущение в темноте, под землёй, наткнуться на нечто, напоминающее живую плоть.

Но в земляной норе было слишком темно, он по-прежнему ничего не видел. Его охватила паника, дыхание участилось. Когда Бянь Хун уже не знал, как справиться с этим страхом, Жун Фэн тёплой, широкой грудью прижался к его вздрагивающей спине. Большая ладонь мужчины скользнула вдоль руки Бянь Хуна, нашла его кисть, сжала и медленно повела вперёд.

Бянь Хун, стиснув зубы, отвернул лицо и вцепился в объятия Жун Фэна, прижимаясь к нему изо всех сил, словно только так мог обрести безопасность. Пока его ладонь, зажата в пальцах

мужчины, не упёрлась во что-то тёплое, живое, размеренно поднимающееся и опускающееся в такт дыханию.

— Живое? — вырвалось у него.

Бянь Хун широко раскрыл глаза и осторожно шевельнул пальцами, легко погладив на ощупь.

— Такая густая... и жёсткая шерсть...

Всё его внимание было приковано к ощущению под рукой, и он не заметил, как Жун Фэн тихо усмехнулся ему на ухо:

— Это медведь в зимней спячке. Не бойся.

Бянь Хун поспешно пожал плечами и потер онемевшее ухо. Но сейчас его любопытство было куда сильнее того странного смущения, что возникало от такой близости.

— А... а он не проснётся? — тихо спросил он. — Переночевать здесь... это правда безопасно?

— Всё в порядке. В детстве я так и зимовал.

Бянь Хун на мгновение замер. Ему всегда казалось, что выжить в такой оторванной от мира, первобытной горной глуши невероятно тяжело. Даже он сам, брошенный с малых лет, смог выжить лишь благодаря приюту. А теперь, ощущая под ладонью густую шерсть, медленно поднимающуюся и опускающуюся вместе с дыханием огромного медведя, Бянь Хун вдруг подумал, что за страданиями, возможно, со временем проступает и иной, особый вкус.

Пол норы был устлан мягкой сухой травой и опавшими листьями. Медведь, погружённый в спячку, свернулся в самом центре, поджав лапы, и время от времени негромко похрапывал. Видно, спал он крепко и спокойно. Запах внутри тоже не был неприятным: во время зимней спячки зверь не испражняется, и потому в этом небольшом пространстве чувствовался лишь тёплый дух звериной шерсти и сухих трав.

Жун Фэн усадил Бянь Хуна рядом с медведем, прислонив их к его тёплому телу, медленно вздымающемуся и опадающему в такт дыханию, и так они провели ночь, сопровождая его сон. А когда следующей весной зверь проснётся, он, возможно, так и не узнает об этой краткой встрече.

Теперь же снег валил сплошной стеной, крупный и лёгкий, словно гусиный пух. Найти ещё одну медвежью берлогу было бы непросто, да и в такой берлоге нельзя разводить огонь, а им сейчас отчаянно нужна была горячая пища, чтобы согреть продрогшие тела и остывшие внутренности. Бянь Хун, только оправившийся от болезни, быстро уставал, но не жаловался, лишь упрямо стиснув зубы, шёл следом, молчаливый, точно упрямый осёл. В конце концов

именно Жун Фэн решил остановиться и устроить привал на месте, переждать снегопад и лишь потом продолжить путь.

Сказано - сделано. Пока Бянь Хун ещё ломал голову над тем, где им ночевать, мужчина уже отправился за деревом. Он выбирал давно поваленные сухие стволы или более тонкие деревца и на подветренном склоне леса вырыл в ещё не до конца промёрзшей земле яму почти в половину человеческого роста. Затем накрыл её древесиной, а внутри выкопал и очаг, чтобы можно было развести огонь.

Благодаря богатому опыту мужчины в выживании, Бянь Хун достал снаружи с деревянных саней маленький глиняный котелок и замёрзшую рыбу, набрал чистого, безупречно белого снега, сложил всё вместе и сварил дымящуюся, горячую рыбную похлёбку.

В тот день, перед тем как покинуть ледяное озеро, Жун Фэн вырубил во льду небольшую прорубь, опустил в воду корзину и оставил её на сутки. Когда он на следующий день снова пробил тонко схватившийся лёд, в корзине оказалось несколько крупных рыбин - как раз таких, чтобы привезти детям попробовать. Ведь за всю свою жизнь они ещё ни разу не ели рыбы.

Так, делая остановки и снова пускаясь в путь, спустя много дней они наконец достигли опушки - границы лесов Мэмэн. Из горы они вынесли с собой немало провианта: помимо подаренных обезьяньей стаей плодов и кедровых орехов, ещё и упитанных кроликов. Это была такая сытная, обеспеченная зима, о которой Бянь Хун не смел бы даже мечтать. Но именно из-за этого изобилия, чтобы не привлекать лишнего внимания, он решил действовать осторожно и предложил с Жун Фэном разделиться: мужчина отнесёт добычу домой, а он сам отправится в деревню Шаньюй, в храм цзышу-ньюй, чтобы забрать двух детей.

Но Жун Фэн не согласился и настоял на том, чтобы подождать их у кромки леса и возвращаться вместе. Для него все трое - один взрослый и двое малышей - уже имели «дурную репутацию»: оставь их без присмотра, уйди один по этой горной тропе, кто знает, какая беда может приключиться.

Поэтому, пройдя немного вперёд, Бянь Хун невольно обернулся. Присутствие этого мужчины было слишком ощутимым: он просто стоял рядом с деревянными санями, снег с ветвей осыпал ему на соломенную шляпу, холодный ветер тянул и посвистывал, а он молча ждал, не сходя с места.

Бянь Хун невольно ускорил шаг. Нужно было сходить как можно быстрее и так же быстро вернуться.

Когда он снова пришёл в деревню Шаньюй, холод сделал её ещё тише. На сельских дорогах почти не было людей: у некоторых домов хозяева расчистили снег у входа, но куда больше было тех, кто, чтобы сберечь последние силы, просто заперся в хижинах, вокруг которых сугробы намело почти в человеческий рост. Зато перед храмом было чисто, видно, что снег здесь убирали часто, и даже протоптали ровную дорожку, словно ожидая чьего-то возвращения.

При мысли о двух детях заледеневшее сердце Бянь Хуна понемногу оттаивало. Он почти бегом добрался до ворот и торопливо постучал. Дверь храма была плотно закрыта; лишь спустя некоторое время к ней подошла одна из женщин цзышу-ньюй. Осторожно приоткрыв створку всего на щёлочку и разглядев, что это Бянь Хун, она тут же расплылась в улыбке.

— Молодой господин вернулся! Юаньдин и маленький Гуаньбао так по тебе скучали.

Она ещё не договорила, как дети, будто услышав весть, вихрем вылетели из тёплой комнаты, не обращая внимания на то, как старшая бабушка изнутри окликает их, прося бежать помедленнее.

Бянь Хун отсутствовал почти месяц, так долго он ещё ни разу не расставался с ними. Хотя женщины при храме заботились о детях чрезвычайно хорошо, как бы ни была хороша эта забота, она всё же не могла заменить им их брата Си. Юаньдин, казалось, уже вошёл в тот возраст, когда слёзы считаются постыдными: он лишь крепко обнял ногу Бянь Хуна и прижался щекой к его боку. А вот Гуаньбао ни о чём таком не задумывался, он тут же разинул рот и разрыдался во весь голос, со всхлипами и потоками слёз. Если бы женщины цзышу-ньюй изо всех сил не удерживали их, эти два брата, пожалуй, уже снова полезли бы в горы Мэмэн искать его.

На сердце у Бянь Хуна тоже было тяжело, но, обняв детей, он всё же сначала вошёл в дом, чтобы поклониться старшей бабушке - самой старшей среди женщин храма, которая считалась сестрой матери Жун Фэна.

Старшая бабушка была очень приветлива и почти сразу стала относиться к Бянь Хуну как к собственному младшему родственнику. Но сам он, сталкиваясь с такой добротой и теплом, неизменно чувствовал неловкость и старался держаться чуть в стороне, не зная, как на это отвечать. Тем не менее он чинно поблагодарил всех и, в сопровождении одной из молодых женщин, отправился к могиле матери Жун Фэна. Там он зажёл палочку благовоний, а затем вместе с детьми поклонился, совершив земной поклон.

Глядя на тонкую струйку дыма, поднимающуюся от курящейся палочки, он невольно вспомнил спокойное, умиротворённое лицо старухи. Он простоял так довольно долго, но из-за лютого холода благовоние, едва мерцавшее слабым огоньком, так и не догорело.

Бянь Хун был вынужден подняться и, про себя обращаясь к ней, тихо сказал:

- Нам пора идти. Жун Фэн ждёт нас возле леса.

После этого один взрослый и двое малышей наконец развернулись и пошли прочь. Дети держали Бянь Хуна за руки и, шагая, без умолку болтали со своим братом Си. Юаньдин рассказывал, что они слишком долго были в горах, и он с Гуаньбао всерьёз переживали, так, что едва не собрались идти на поиски. Потом добавлял, что люди здесь очень хорошо к ним относились, даже сшили братьям новые рубашки. И, конечно, не забывал припомнить Гуаньбао пару неловких историй: то он описал постель одной из девушек, то ночью, не помыв ноги,

пинался и искал брата Си.

Гуаньбао же раз за разом пускал в ход одну и ту же фразу, короткую, но бьющую точно в цель. Он звонко заявлял:

— Брат Си, у Юаньдина все передние зубы повыпадали, он теперь шепелявит!

Юаньдин от злости надул щёки и был вынужден плотно сжать губы, лишь бы не дать повода для новых насмешек.

Когда их фигуры удалялись, дымок от тлеющей у надгробия палочки благовоний всё ещё вился в воздухе, закручиваясь тонкими спиралями, словно кто-то из иного мира, скрытый за пеленой тумана, молча и ласково провожал троих взглядом, пока они не исчезли в конце тропы.

Перед уходом старшая бабушка во что бы то ни стало хотела отдать Бянь Хуну те самые два мешка проса. Но Жун Фэн уже говорил ему, что зерно это было пожертвовано в пользу храма в знак почтения и поддержки. Когда они приходили в прошлый раз, Бянь Хун видел, что некоторые из женщин уже перемалывают в пищу одни отруби. В такие годы два мешка проса - это не роскошь, а всего лишь проявление сыновней благодарности и знак того, что память о матери Жун и их прежняя привязанность к ней не забыты.

Однако старшая бабушка оказалась необычайно упрямой и в конце концов даже рассердилась. Тогда Бянь Хун сказал, что всё равно не унесёт столько, и согласился взять лишь один небольшой мешочек. Лишь после этого ему удалось выбраться из плотного кольца женщин и отправиться в путь.

Бянь Хун выдохнул два раза подряд и, ведя за собой двух малышей - тех самых, что ещё минуту назад рыдали навзрыд, а теперь уже сияли от радости, зашагал по снегу. Под их ногами он весело поскрипывал, пока они направлялись к лесу за деревней.

— Ваш старший брат там ждёт нас, — сказал он. — Вернёмся домой, брат Си сварит вам рыбку.

— Рыба... рыба... — протянул Гуаньбао, и в тот же миг из его маленького ротика потянулась длинная нитка слюны, капнув прямо на снег.

Юаньдин расхохотался:

— Гуаньбао - маленький обжора! Ха-ха! Сейчас слюни замёрзнут и сосулькой повиснут!

А Бянь Хун, повернув голову, украдкой взглянул на идущего рядом Юаньдина. Мальчик, запрокинув голову от смеха, наконец-то показал брату Си то, что так долго старательно скрывал, - два пропавших передних зуба.

Всю дорогу они без умолку болтали и смеялись. Двое малышей словно стайка щебечущих птичек, кружили вокруг своего брата Си, то и дело перебивая друг друга. И лишь у самой кромки деревни, у засыпанной снегом лесной опушки, показался мужчина в широкополой шляпе. Он поднял руку и помахал им. Две «птички» с радостным «фр-р-р» сорвались с места и помчались к нему, наперебой выкрикивая:

— Старший брат! Старший брат!

Вскоре они уже уселись на деревянные сани. Жун Фэн и Бянь Хун потянули их в сторону дома. Дети жевали замёрзшие ягоды, с восторгом разглядывали застывшую рыбу и время от времени свешивали ноги, оставляя за полозьями ослепительно белый снег.

Они ехали спиной вперёд, глядя, как дорога и следы на снегу постепенно остаются позади. И в этот миг они были по-настоящему счастливы.

<http://bllate.org/book/13502/1243909>